Copyright © 2016 by the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 28, Is. 6, pp. 34–40, 2016
 DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-34-40
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 81'36=512.31

Polypredicative Sentences of the General Following in the Buryat Language: Search of Differentiation Parameters

Nadezhda B. Darzhaeva ¹

¹ Ph. D in Philology, Department of Linguistics, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: dnadezhda@mail.ru

Abstract. The article aims to discover suitable parameters for differentiation of polypredicative sentences of the general following in the Buryat language. This aspect is expressed by four variable postpositive participle constructions to be differentiated. The most difficult point was to find semantic and other parameters that would allow to reveal system relations within a group of meaningfully close constructions (according to traditional descriptions those are full synonyms). The author applies parameters of variation linguistics and diverse semantic parameters to differ between the constructions. Oppositions of variation linguistics are formed on the basis of certain styles and dialects, as well as temporary and social frameworks of use. Semantic oppositions include assessment, norm/aberration, discrepancy of expectations, lexical and grammatical restrictions, reference characteristics (same-subject constructions / different-subject constructions). The search of suitable parameters was carried out primarily within the Buryat language by means of analysis of elements of constructions and contexts of their use. Parameters resulting from analysis of other languages, first of all Russian, as well as data from typological works were checked. The research revealed and identified stylistic, functional and semantic preferences in the use of separate constructions. Firstly, this facilitates learning the language, secondly, drafts a way of development of each construction within this semantic group. A bookish variant of constructions of the general following is the construction with the postposition *udaa*. A semantic opposition as per time of the two events was revealed between the central constructions with the postpositions *γüülde* and *γüüleer* (in case of a postposition in the instrumental case the time interval gets extended). Another construction of the type with the postposition *γoyno* used to express a measure of time in a dependent part (other constructions are impossible) nowadays also successfully competes with the postposition *γüülde* but differs from the latter by its predominantly different-subject implementation.

Keywords: syntax of the Buryat language, variation linguistics, differentiation of variable constructions

Язык — постоянно развивающаяся, изменяющаяся система, которая в ходе эволюции как приобретает новые грамматические формы, так и отбрасывает ненужные, изжившие себя элементы. Поскольку эти два процесса занимают довольно длительные промежутки времени, на определенном этапе развития языка мы становимся свидетелями как

появляющихся, так и отмирающих форм. Такие внешние (экстралингвистические) факторы, как диалектное заимствование и стилевая дистрибуция языковых форм, также приводят к возникновению избыточных формальных средств. «Вариативность как языковое явление демонстрирует языковую избыточность, которая вместе с тем необхо-

дима языку. Будучи следствием языковой эволюции, вариантность становится почвой для дальнейшего развития языка. Избыточность формы — естественное состояние языка, показатель его жизнеспособности и динамичности. Более того, не всякая вариантность средств языкового выражения избыточна. Она становится таковой только тогда, когда варианты не имеют никакой особой нагрузки — ни информационной, ни функциональной» [Хун 2007].

Об избыточной синонимии конструкций М. И. Черемисина писала, «...что при несомненной тенденции к дифференциации форм без помощи „со стороны“, без содействия синтаксического описания, содержащего достаточно четкие предписания, языку могут потребоваться десятилетия, чтобы эти конструкции четко противопоставились в сознании носителей языка как выражающие близкие, но разные отношения» [Черемисина 2002: 216–217].

Такое формальное разнообразие, с одной стороны, несомненно, обогащает речь, а с другой стороны, приводит к необходимости его разграничения. Как показывает опыт сибирских ученых и наш опыт, обращение к квалифицированным информантам — учителям, творческим работникам — как правило, не вносит ясности в дифференциацию близких, но не тождественных по смыслу полипредикативных конструкций. Информанты либо затрудняются сформулировать различие, либо не видят его вообще. Мы попытаемся провести в этой работе дифференциацию таких конструкций бурятского языка (на примере конструкций общего следования) с позиций вариативной лингвистики и поиска соответствующих семантических оппозиций.

Теория вариативности языковых средств хорошо разработана как в нашей стране, так и за рубежом. Отечественные исследователи изучали проблемы вариативной лингвистики как на материале русского, так и иностранных языков (Л. П. Якубинский, В. М. Жирмунский, Р. П. Рогожникова, Н. Ф. Молчанова, Л. К. Граудина, К. С. Горбачевич, В. М. Солнцев, М. А. Бородин и др.). Ими была разработана теория инварианта / варианта и были предложены различные классификации видов вариативности: грамматических и семантических вариантов. Зарубежные исследователи (Ж. Берруто, Ж. Кабатек, П. Кох, Г. Волкер, Ф. Гадэ, А. Дюфтер, Э. Старк) также уделяли доста-

точное внимание проблеме вариативности языковых форм, выделяя следующие ее виды: «1) территориальный или географический (соотношение литературного (стандартного) языка и диалектов) — диатопический вид вариативности; 2) социальный (соотношение стандартного языка и социолектов) — диастратический вид вариативности; 3) исторический — диахронический вид вариативности; 4) стилистический и ситуативный — диафазический вид вариативности; 5) различие между употреблением вариантных форм в устной и письменной речи — диамезический вид вариативности» [Лукина 2014: 9]. Они также признают необходимость комплексного изучения вариативных форм с учетом социальных, временных, диалектных и стилистических факторов.

В своей статье Т. Н. Хомутова [2005: 28–29] подробно описала 4 модели языковой вариативности: инвариантно-вариантная модель (парадигматическая), константно-вариантная модель (синтагматическая), модель «лингвистической переменной» американского лингвиста У. Лабова и теорию прототипа. В инвариантно-вариантной модели конкретные речевые реализации языковых единиц (варианты) противопоставляются некоему обобщенному образцу (инварианту). В константно-вариантной модели рассматриваются константные и вариантные признаки речевых реализаций языковых единиц (вариантов). В модели У. Лабова переменная характеризуется как набор вариантов, которые получают речевую реализацию в зависимости от лингвистического и социального контекста. Теория прототипа «предполагает функцию эталона, воздействующего на другие, непрототипические, варианты. Наиболее типичные варианты могут рассматриваться как прототипы тех или иных категорий» [Хомутова 2005: 28–29].

Автор также выделяет три основных типа варьирования: формальное, семантическое и функциональное. При первом типе наблюдается варьирование плана выражения при неизменности плана содержания, при семантическом — наоборот, варьирование плана содержания при неизменности плана выражения. Варьирование функции при неизменности планов выражения и содержания относится к третьему типу.

Нами исследуется полипредикативная конструкция (далее — ППК), родовой тер-

мин, объединяющий понятия «собственно сложное предложение» и «простое, осложненное оборотом». В бурятском, как и в других алтайских языках, крайне нетипичны сложные предложения, состоящие из двух финитных предложений, соединенных союзами. Финитное сказуемое представлено обычно только в главной части (главная предикативная единица (далее — ГПЕ)), а зависимая часть (далее — ЗПЕ) оформляется инфинитивной формой — причастием, деепричастием и др., т. е. сложная конструкция является монофинитной. Тем не менее, выражаемые ими отношения практически такие же, что и, например, у русских сложных предложений. Общее родовое именование позволяет описывать все сложные конструкции одного языка как единую систему, показывая и их формальные различия, и семантические отношения между ними.

Бурятский язык, как и другие монгольские, а также тюркские языки, характеризуется наличием большого количества обстоятельственных конструкций, в том числе разноструктурных, выражающих одно и то же семантическое отношение между двумя событиями. «Эта система чрезвычайно богата; хотя нам не всегда удавалось выявить смысловые отличия между конструкциями, но, с одной стороны, это задача для дальнейших исследований, с другой же стороны, это может быть синхронным варьированием, задающим основу для дальнейшего развития системы (см. [Givon 2015])» [Скрибник, Даржаева 2016: 295].

Теоретическая проблема исследования заключается в поиске соответствующих семантических и экстралингвистических оппозиций между синхронными вариантами. Параметры разграничения синтаксических вариантов разделяются на две группы: 1) параметры вариации, разработанные вариативной лингвистикой (временной, пространственный, социальный); 2) семантические параметры. Первая группа характеризуется тем, что признаки той или иной вариации лежат на поверхности, и лингвисту обычно не составляет особого труда определить их. Список параметров вариативной лингвистики: принадлежность к письменной / разговорной речи, определенному жанру, диалекту, социальной группе, архаизм / неологизм.

Поиск же семантических оппозиций — более углубленный, с привлечением

большого материала относительно употребления конкретной конструкции, проведения трансформационного анализа путем подмены синонимичных конструкций. В некоторых случаях семантические оппозиции заимствуются из русского языка и, по возможности, из других языков. В отличие от первой группы параметров, семантические параметры меняются от одной семантической группы конструкций к другой, поэтому для каждой группы конструкций ведется свой поиск оппозиций. Список основных параметров второй группы: оценка (положительная / отрицательная, качественная / количественная), норма / отклонение от нормы, лексико-грамматические ограничения на наполнение конструкции, принципиальная моносубъектность / разнотелесность, несоответствие ожиданиям, дополнительное акцентирование выражаемого значения.

Порядок описания сводится к следующему: сначала мы проверяем конструкции, относящиеся к семантической группе общего следования, на соответствие параметрам вариативной лингвистики, затем оставшиеся в ядре конструкции противопоставляем по семантическим оппозициям. Материалом исследования послужили примеры из художественных произведений бурятских авторов в печатном исполнении, а также размещенные в Корпусе бурятского языка [КБЯ].

В работе описываются языковые модели как принципиальные схемы построения фраз одной синтаксической семантики, базирующиеся на общих структурных и семантических характеристиках множества конкретных речевых примеров. Для записи моделей используется слегка модифицированная система символов и обозначений, разработанная Новосибирской синтаксической школой и представленная в коллективной монографии «Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем» [1986].

В семантическую группу общего следования входят причастно-падежная конструкция на *-хА-дА*, деепричастные конструкции с формами *-жА*, *-ААд*, и четыре причастно-последовые конструкции с последовыми *-удаа*, *-һүүлдэ*, *-һүүлээр*, *-хойно*. Первые три конструкции являются многозначными, значение общего следования для них — одно из выражаемых значений, поэтому здесь рассматриваться не будут.

Итак, в специализированной группе общего следования мы имеем 4 вариативные конструкции:

V-hAn-ай-POSS удаа

‘после того как’

V-hAn-ай-POSS һүүлдэ

‘после того как’

V-hAn-ай-POSS һүүлээр

‘после того как’

V-hAn хойно-POSS

‘после того как’

В этих конструкциях интервал между событиями специально не акцентируется, отсюда и название группы. Все четыре конструкции причастно-последложные: с

причастием прошедшего времени на *-hAn* (*A*-сингармоничные варианты) в родительном падеже (кроме конструкции с последложом *хойно*).

Прежде всего, ориентируясь на параметры вариативной лингвистики, проверим их на диалектную и стилевую принадлежность, а также архаичность.

Наши наблюдения показали, что последлог *удаа* используется исключительно в текстах, в устной речи почти не употребляется; по-видимому, он носит книжный характер. Благодаря исходной семантике этого последлога (>*удаан* ‘долго’), во фразах описываются отношения общего следования:

(1) *удаан шэнжэлэ-н хара-хан-ай-нгаа удаа тэрэ*

Долго изучать-cvb смотреть-рс.pst-gen-refl pstr тот

хүн ород-оор хэл-ээд мордо-шо-бо

человек русский-ins говорить-cvb ехать-intens-pst [3sg/pl]

‘Тот человек после того, как изучающе посмотрел, сказал что-то по-русски и уехал’ [КБЯ: С. Цырендоржиев «Шулуун хадын хойморт» 1985].

Остальные три конструкции составляют ядро значения общего следования, и для их дифференциации потребуется более глубокий семантический анализ. Поскольку конструкции формально различаются между собой входящими в их состав последлогами, прежде всего будут анализироваться расхождения в их семантике.

Последлоги *һүүл-дэ* и *һүүл-ээр* образованы от слова *һүүл* ‘конец’ с помощью разных падежных аффиксов и дополнительно подчеркивают полную завершенность зависимого события. Семантическое отличие между этой парой последлогов определить

(2) *Нилээд удаан асуу-хан-ай һүүл-дэ протокол-оо*

Очень долго спрашивать-рс.pst-gen pstr протокол-refl

униша-на

читать-prs [3sg]

‘После того, как очень долго расспрашивал, читает протокол’ [КБЯ: Ц. Дон «Брынзынсанха» 1935].

(3) *Нилээд удаан асуу-хан-ай һүүл-ээр протокол-оо*

Очень долго спрашивать-рс.pst-gen pstr протокол-refl

униша-на

читать-prs [3sg]

‘После того, как очень долго расспрашивал, (не сразу) читает протокол’.

Другой специализированный последлог общего следования — *хойно* ‘после’ — демонстрирует существенные изменения в употреблении за последние сто лет. Например, в произведениях Х. Намсараева он встречается вдвое реже, чем последлоги

очень трудно, но мы склоняемся к версии, что с последлогом в форме орудного падежа контакт между событиями менее тесный, например, сравним в простом предложении: *Суглаанай һүүл-ээр уулзуужабди* ‘Давай встретимся (не сразу) после собрания’ и *Суглаанай һүүл-дэ уулзуужабди* ‘Давай встретимся после собрания’. Различие, видимо, задаётся исходной семантикой падежей: дательно-местный указывает обычно на точечную локализованность (‘на’, ‘в’ и т. д.), а орудный — на протяженность (‘вдоль’). Сравним:

һүүлдэ и *һүүлээр*, причем специализированно в значении временной локализации события главной части в системе общезначимых временных координат; зависимая часть называет такие координаты — временные отрезки, фазы природных циклов и жиз-

ненного цикла людей (*нэгэ һара үнгэр-һэн хойно* ‘месяц спустя; после того, как прошел месяц’; *нэгэ хэды боло-һон хойно* ‘спу-

стя некоторое время’; *удаан боло-һон хойно* ‘спустя много времени’; *үүр сай-һан хойно* ‘после того, как забелел рассвет’ и т. п.).

Примеры:

(4) *Хэдэн хоно-һон-ой хойно Сайнсаг ноён*

Несколько ночевать-рс.pst-gen pstp С. нойон

хүбүүн-ээр-ээ буса-жа ерэ-хэ-д-ээ...

сын-ins-refl возвращаться-cvb приходить-рс.fut-dat-refl

‘Через несколько суток нойон Сайнсаг, вместе с сыном вернувшись...’ [КБЯ: ХН 1, 172].

Это значение сохраняется и в современном языке:

(5) *...үдэр боло-һон хойно наблюдательна пункт*

День становится-рс.pst pstp наблюдательный пункт

тээшээ яб-аа-д һэн

pstp идти-рс.prs-pl pcl [3]

‘После того, как наступил день, ушли на наблюдательный пункт’ [КБЯ: Ж. Тумунов «Нойрһоо һэриһэн тала» 1949].

(6) *Би-шье үбгэр-һэн хойн-оо уу-даг, тамхи-шье*

Я-pcl стареть-рс.pst pstp-refl пить-рс.hab табак-pcl

тата-даг бол-оо-б

курить-рс.hab aux-рс.prs-1sg

‘И я, после того как постарел, стал пить и курить’ [КБЯ: Дамб. 75].

Однако в современном литературном языке послелог *хойно* стал конкурировать с *һүүлдэ* и *һүүлээр* в выражении следования двух информативно равнозначных событий

(а не временной координаты и информативно значимого события). Более того, сегодня это чрезвычайно частотная конструкция, как в устной, так и письменной речи:

(7) *Тэдэ хоёр-ой гэр-тэ оро-һон хойно Ефим*

Они два-gen дом-dat входить-рс.pst pstp Е.

һуури-һаа бодо-бо

место-abl вставать-pst [3sg/pl]

‘После того как эти двое зашли в дом, Ефим встал с места’ [КБЯ: С. Цырендоржиев «Шулуун хадын хойморто» 1985].

Поиск семантических оппозиций между конструкциями с *хойно* и *һүүлдэ* / *һүүлээр* не дал результатов. Но был обнаружен референтный критерий: подавляющее большинство конструкций с *хойно* является разносубъектными.

Итак, стилистическим вариантом конструкций общего следования является конструкция с послелогом *удаа*. Между центральными конструкциями с послелогом *һүүлдэ* и *һүүлээр* найдена семантическая оппозиция по характеру контакта во времени двух событий (с послелогом в форме орудного падежа временной интервал растянут). Другая конструкция из этой зоны с послелогом *хойно*, специализированная на выражении меры времени в зависимой части (другие конструкции невозможны), также успешно конкурирует сегодня с послелогом *һүүлдэ*, однако отличается от последней преимущественной разносубъектной реализацией.

Источники

КБЯ — Корпус бурятского языка [электронный ресурс] // URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 21.09.2014).

Литература

Лукина А. Е. Понятие «языковой вариативности» в отечественной и зарубежной лингвистической традиции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Лингвистика». 2014. Т. 11. № 1. С. 7–11.

Русская грамматика Т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1982. 709 с.

Скрибник Е. К., Даржаева Н. В. Грамматика бурятского языка. Синтаксис сложного (полипредикативного) предложения. Т. I. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 315 с.

Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск: Наука, 1986. 195 с.

Хомутова Т. Н. Теория языковой вариативности: социолингвистический аспект // Вест-

- ник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Лингвистика». 2005. Вып. 2. № 11. С. 28–34.
- Хун С. И. Вариативность паремических единиц: прагмалингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007 [электронный ресурс] // URL: <http://www.dissercat.com/content/variativnost-pare-micheskikh-edinit-pragmalingvisticheskii-aspekt#ixzz3pwGB5Raf> (дата обращения: 07.09.2016).
- Черемисина М. И. Язык и его отражение в науке о языке. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. 252 с.
- Givón T. *The Diachrony of Grammar*. Amsterdam: J. Benjamins, 2015. 928 p.
- Labov W. Introduction // *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. P. XVIII–XVIII.
- Sources**
- КБЯ — *Korpus buryatskogo yazyka* [Buryat National Corpus]. Available at: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (accessed: 21 September 2014) (In Bur.).
- References**
- Lukina A. E. *Ponyatie «yazykovoy variativnosti» v otechestvennoy i zarubezhnoy lingvisticheskoy traditsii* [Concept of variability in Russian and world linguistics]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Lingvistika»* [Bulletin of the South Ural State University. Series 'Linguistics'], 2014, vol. 11, No. 1, pp. 7–11 (In Russ.).
- Russkaya grammatika T. II. *Sintaksis* [Russian grammar. Vol. II. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 709 p. (In Russ.).
- Skrubnik E. K. *Grammatika buryatskogo yazyka. Sintaksis slozhnogo (polipredikativnogo) predlozheniya. T. I* [Grammar of the Buryat language. The compound sentence: syntax. Vol. 1]. Ulan-Ude, Bur. Scientific Center (of the Siberian Branch of the RAS) Press, 2016, 315 p. (In Russ. and Bur.).
- Strukturnye tipy sinteticheskikh polipredikativnykh konstruktiv v yazykakh raznykh system* [Structural types of synthetic polypredicative constructions in languages of different systems]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986, 195 p. (In Russ.).
- Khomutova T. N. *Teoriya yazykovoy variativnosti: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [The theory of linguistic variability: sociolinguistic aspect]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Lingvistika»* [Bulletin of the South Ural State University. Series 'Linguistics'], 2005, iss. 2, No. 11, pp. 28–34 (In Russ.).
- Khun S. I. *Variativnost' paremicheskikh edinit: pragmalingvisticheskiy aspekt: Avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk* [Variability of paremical units... A Ph. D. thesis abstract]. Krasnodar, 2007. Available at: <http://www.dissercat.com/content/variativnost-pare-micheskikh-edinit-pragmalingvisticheskii-aspekt#ixzz3pwGB5Raf> (accessed: 7 September 2016) (In Russ.).
- Cheremisina M. I. *Yazyk i ego otrazhenie v nauke o yazyke* [Language and its reflection in linguistic studies]. Novosibirsk, Novosib. State Univ. Press, 2002, 252 p. (In Russ.).
- Givón T. *The Diachrony of Grammar*. Amsterdam, J. Benjamins Publ., 2015, 928 p. (In Eng.).
- Labov W. Introduction // *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. P. XVIII–XVIII.

Поиск параметров дифференциации полипредикативных конструкций общего следования в бурятском языке

Надежда Баировна Даржаева ¹

¹старший научный сотрудник, отдел языкознания, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: dnadezhda@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена поиску подходящих параметров для дифференциации близких по смыслу полипредикативных конструкций общего следования в бурятском языке. Это значение выражают четыре вариативные причастно-последовательные конструкции, между которыми проводится разграничение. Трудность заключалась в поиске семантических и иных параметров, позволяющих выявить системные отношения в группе близких по значению конструкций (в традиционных описаниях они представлены как полные синонимы). Автор использует для разграничения конструкций параметры вариативной лингвистики и различные семантические параметры. Оппозиции вариативной лингвистики выстраиваются на основе стилевой и диалектной принадлежности, а также временной и социальной рамок использования. Семантические оппозиции включают оценку, норму / отклонение от нормы, несоответствие ожиданиям, лексико-грамматические ограничения, референтные характеристики (моносубъектность / разносубъектность). Поиск подходящих параметров осуществлялся в первую очередь внутри бурятского языка путем анализа, во-первых, составляющих элементов конструкции, во-вторых, контекста её употребления. Проверялись также параметры, полученные при анализе других языков, прежде всего русского, а также данные из типологических работ. В результате исследования выявляются и фиксируются стилевые, функциональные, семантические предпочтения в употреблении той или иной конструкции, что, во-первых, облегчает изучение языка, во-вторых, намечает путь развития каждой конструкции в этой семантической группе. Книжным вариантом конструкций общего следования является конструкция с последлогом *удаа*. Между центральными конструкциями с последлогами *һүүлдэ* и *һүүлээр* найдена семантическая оппозиция по характеру контакта во времени двух событий (с последлогом в форме орудного падежа временной интервал растянут). Другая конструкция из этой зоны с последлогом *хойно*, специализированная на выражении меры времени в зависимой части (другие конструкции невозможны), также успешно конкурирует сегодня с последлогом *һүүлдэ*, однако отличается от последней преимущественной разносубъектной реализацией.

Ключевые слова: синтаксис бурятского языка, вариативная лингвистика, дифференциация вариативных конструкций.